

DOI: 10.25178/nit.2022.2.3

Статья

Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ

Салават И. Абылкаликов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация,

Гузель Р. Баймурзина

Башкирский государственный университет, Российская Федерация

В статье проводится сравнительный анализ демографической ситуации и происходящих процессов Кызыла и Элисты, столиц Тувы и Калмыкии (Россия). Проанализирована специфика изменений основных демографических процессов (рождаемости, смертности и миграции), демографических структур и поведения. Авторами рассчитаны специальные коэффициенты рождаемости, показатели миграции (включая возрастные коэффициенты), а также изучены особенности возрастнo-половой структуры и составлен демографический баланс Кызыла и Элисты.

Несмотря на кажущуюся схожесть (сопоставимая численность и доля в общем населении своих республик, этноконфессиональный состав), у Кызыла и Элисты есть свои особые черты развития демографических процессов. Сочетание естественного прироста и миграционный убыли в Кызыле приводит к общему приросту и, соответственно, росту численности населения. В Элисте в последние годы наблюдается заметное замедление роста. Во многом это вызвано более старой возрастной структурой населения Элисты, способствующей низким значениям числа родившихся и высоким числа умерших.

Применение характеристик естественного движения населения, не зависящих от искажений возрастной структуры, показывает, что и рождаемость, и смертность выше в Кызыле. А в Элисте все население, а также мужчины и женщины по отдельности живут, в среднем, дольше. Миграционные процессы в изучаемых городах схожи, но для Кызыла более характерны повышенная миграционная активность женщин, а также выбытие людей в старших возрастах, что способствует оптимизации возрастной структуры населения.

В силу ограниченности доступа до недавнего времени к статистическим данным на муниципальном уровне, а также недостаточно развитой методологии работы с ними, многие используемые методы и показатели для изучения демографических процессов Кызыла и Элисты применены впервые.

Ключевые слова: Тува; Калмыкия; Кызыл; Элиста; миграция населения; рождаемость; смертность; половозрастная структура населения

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ».

Для цитирования:

Абылкаликов С. И., Баймурзина Г. Р. Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011-2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 34-52. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Абылкаликов Салават Иргалиевич — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 123022, Россия, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, каб. 403. Эл. адрес: sabykalkikov@hse.ru

Баймурзина Гузель Римовна — кандидат экономических наук, ведущий специалист научной лаборатории социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета. Адрес: 450008, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: guzrim@mail.ru

Article

Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011-2020: a comparative study

Salavat I. Abylkalikov

HSE University, Russian Federation,

Guzel R. Baimurzina

Bashkir State University, Russian Federation

The article compares the demographic situation and related processes in Kyzyl and Elista, the capitals of Russia's constituent republics — Tuva and Kalmykia, respectively. It is focused on the changes in demographic processes (fertility, mortality and migration), demographic structures and behaviours. The authors have also calculated birth rates, migration indices (including age-specific rates); examined the age and gender structure of the population, drew up the demographic balance for both Kyzyl and Elista.

Despite their similarity (comparable population size and its share in the grand total for the republic, ethnoconfessional structure), demographic processes at Kyzyl and Elista have their own specific features. In Kyzyl, a combination of natural population growth and migration-related decline leads to an overall population rise. In Elista, on the contrary, there has been a noticeable slowdown in growth in recent years, largely due to older demographic structure that leads to low birth rates and high mortality rates.

Applying the natural population movement rates (which are independent of age structure distortions) to the situation in each of the cities shows that the birth and mortality rates are higher in Kyzyl. In Elista both men and women, as well as the population in total, on average live longer. Migration patterns in both cities are similar, but Kyzyl features a more intense migration among the females, as well as higher emigration rates among elder citizens, which helps optimize the population's age structure.

Since access to statistical data on the municipal level has been limited until recently, and the methodology of analyzing these data has been underdeveloped, many of the methods and indicators used in this study of demographic processes in Kyzyl and Elista have been applied for the first time.

Keywords: Tuva; Kalmykia; Kyzyl; Elista; migration; birth rate; mortality rate; age and gender structure of the population

The article was written as part of the Mirror Laboratories Project at HSE University.

For citation:

Abylkalikov S. I. and Baimurzina G. R. Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011-2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011-2020: a comparative study]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 34-52. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

ABYLKALIKOV, Salavat Irgalievich, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Demography, HSE University. Postal address: Room 403, 3 Bolshoi Tryokhsvyatitelskii Pereulok, 123022 Moscow, Russian Federation. Email: sabylkalikov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3405-3867

BAIMURZINA, Guzel Rimovna, Candidate of Economics, Leading Expert, Research Laboratory of Social and Demographic Studies, Bashkir State University. Postal address: 3/4 Karl Marx St., 450008 Ufa, Russian Federation. Email: guzrim@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1844-2689

Введение

На муниципальном и поселенческом уровнях в России представлены не самые информативные показатели, характеризующие демографическое развитие — в первую очередь, абсолютные числа демографических событий и малоинформативные общие коэффициенты. Это обстоятельство приводит к определенному дефициту исследований, посвященных демографическим и миграционным процессам, происходящих на локальном уровне.

Помимо недостаточной разработанности системы современных демографических показателей на уровне муниципалитетов и отдельных поселений, проблему усугубляет и малая изученность методов работы с ними со стороны исследователей. Тем не менее, в последние годы и в отечественной литературе стали появляться работы, посвященные анализу естественного и миграционного движения населения на локальном уровне.

Среди источников демографической информации, пригодных для анализа процессов, происходящих на муниципальном уровне, прежде всего стоит назвать переписи населения, в итогах которых содержится информация о численности населения, а также о ее составе (половом, возрастном, этническом и т. д.). В работе И. С. Кашницкого анализируется возрастной состав населения, третичное соотношение полов, воздействие миграционных процессов на возрастную структуру центральных и периферийных муниципалитетов по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010) (Кашницкий, 2014: Электр. ресурс).

В последние годы Федеральная служба государственной статистики (Росстат) предоставила доступ к Базе данных показателей муниципальных образований (БД ПМО¹) для широкого круга исследователей. В этой базе данных содержится официальная статистика в разрезе муниципальных образований, в т. ч. показатели, характеризующие естественное и миграционное движение населения. В начале 2022 г. на платформе ИНИД (Инфраструктура научно-исследовательских данных) выложены панельные данные показателей по муниципальным образованиям России, подготовленные совместно с Росстатом на основе данных БД ПМО².

Работа С. Т. Тимонина и соавторов посвящена изучению смертности на уровне муниципалитетов и городских округов за 2008–2012 гг. В статье были рассчитаны стандартизованные коэффициенты смертности методом прямой стандартизации и проведены оценки ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) для мужчин и женщин (Timonin et al., 2020). А. Е. Щур оценил территориальное неравенство в здоровье и смертности на субрегиональном уровне — городов с населением от 1 млн человек и остальной территорией России и выявил значительную поляризацию между центрами и периферией (Щур, 2018). А. Н. Петросян рассчитал стандартизованные коэффициенты рождаемости (косвенным методом) за 2017–2019 гг. и произвел оценку коэффициента суммарной рождаемости (КСР) за 2018 г. Основным преимуществом использования метода косвенной стандартизации, вместо более применяемого демографами прямого метода, является применение открытых для широкого круга исследователей данных БД ПМО, в которых хоть и отсутствуют повозрастные показатели рождаемости, но есть информация о возрастной структуре изучаемого населения (Петросян, 2021). Л. Б. Карачурина и Н. В. Мкртчян опубликовали целый цикл работ по анализу миграционных процессов на уровне муниципалитетов. Одни из последних работ посвящены вопросам возрастных особенностей миграционных процессов в региональных центрах и периферийных территориях в 2012–2016 гг. (Karachurina, Mkrtchyan, 2020, 2021).

Исследователи довольно часто проводят сравнительный анализ гуманитарных, социальных и социокультурных, исторических процессов, происходящих в Туве и Калмыкии. Так, Ч. К. Ламажаа и Л. В. Намруева на примере калмыков и тувинцев изучили явления и процессы субэтнической дифференциации (Ламажаа, Намруева, 2018). Г. М. Ярмаркина выявила особенности использования этнонимов калмыки и тувинцы в русском дискурсе за последнее столетие (Ярмаркина, 2019). Работа

¹База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst15/DBInet.cgi> (дата обращения: 20.02.2022).

²База данных показателей муниципальных образований: объединенные и обработанные данные за 2006–2020 гг. [Электронный ресурс] // Росстат; обработка: Веденьков М. В., Комин М. О., Цыганков М. В. Инфраструктура научно-исследовательских данных. АНО «ЦПУР», 2022. Доступ: Лицензия СС BY-SA. Размещено: 28.09.2020 (v.2.0, от 27.01.2022). URL: <http://data-in.ru/data-catalog/datasets/115/?from=vk> (дата обращения: 20.02.2022).

Н. В. Бадмаевой и О. Д. Натсак посвящена анализу современной трудовой миграции в Калмыкии и Туве (Бадмаева, Натсак, 2021).

В настоящей работе продолжена традиция сравнительных исследований происходящих в этих родственных по этноконфессиональной структуре республиках. Выбор для анализа демографической ситуации и происходящих процессов именно столичных городов — Кызыла и Элисты — обоснован тем, что процессы демографической модернизации в первую очередь начинаются с городского населения. И, как правило, крупнейшие города являются наиболее модернизированной частью региона, в фарватере которых в дальнейшем последует и остальное население (Dyson, 2011; Вишнеvский, 2014; Тиникова, 2021).

В работе проанализированы особенности основных демографических процессов (рождаемость, смертность и миграция населения), а также демографических структур и поведения с применением широкого спектра демографических показателей за 2011–2020 гг. в Кызыле и Элисте. Помимо абсолютных чисел родившихся, умерших, миграционного прироста по разным направлениям, это общие коэффициенты, а также неопубликованные данные Росстата по коэффициенту суммарной рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни за доступный для анализа период. Кроме того, рассчитаны специальные коэффициенты рождаемости, возрастные коэффициенты миграции, а также показатели, характеризующие особенности возрастнo-половой и других структур населения изучаемых городов.

Для исследования использован арсенал доступной статистической и демографической информации: базы данных показателей муниципальных образований, переписей и микропереписей населения, иных опубликованных и неопубликованных данных Росстата и его территориальных органов, научной литературы, характеризующих демографическое развитие населения.

Численность населения

Пожалуй, наиболее общей и используемой демографической характеристикой является оценка численности населения, под которой обычно понимают число постоянно проживающих на какой-то определенной территории людей на конкретную дату (обычно начало года, но также середину или конец года, либо на критический момент проведения переписи). Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту показателя, его точное определение может вызвать серьезные затруднения. Оценки численности населения для одной и той же территории для одной и той же даты могут отличаться между собой.

К примеру, на сайте органов местного самоуправления г. Кызыл приведена оценка численности населения на 1 января 2021 г. — 109 993 чел.¹, без пояснения, относится ли данная оценка только к городу без отдаленных частей, либо с ними, но без учета всего городского округа. Тогда как по данным БД ПМО на территории городского округа проживало на ту же дату 120 067 чел. Аналогичная цифра приведена в Википедии² со ссылкой на статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям»³.

В Стратегии социально-экономического развития городского округа «Город Кызыл Республики Тыва» на период до 2025 г.⁴ содержится важная оговорка о том, что часть населения города прибыла из других районов республики, но проживает на левобережных и правобережных дачных обществах, не имея регистрации по месту жительства. В силу этого авторы документа указывают неофициальную оценку численности населения города на начало 2016 г. в размере 139,18 тыс. чел.

¹ Город — общая информация [Электронный ресурс] // Сайт органов местного самоуправления города Кызыла URL: http://mkyzyl.ru/city/index.php?sphrase_id=2856372 (дата обращения: 20.02.2022).

² Кызыл [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кызыл> (дата обращения: 20.02.2022).

³ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. Статистический сборник. М., Росстат, 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴ Стратегия социально-экономического развития городского округа «Город Кызыл Республики Тыва» на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/446540348> (дата обращения: 20.02.2022).

На начало 2011 г. официальная численность населения Элисты была вполне сопоставима с Кызылом — 108,0 тыс. чел. Спустя всего 10 лет разница в численности населения со столицей Тувы превысила 11%. Каких-то альтернативных оценок численности населения Элисты в научной литературе и программных документах обнаружить не удалось, но можно хотя бы косвенно попытаться оценить какая часть населения города может быть неучтенной статистикой текущего учета миграции.

В программе микропереписи населения 2015 г. (МПН–2015)¹ содержался вопрос о наличии или отсутствии регистрации в помещении проживания. В Кызыле на момент проведения последней микропереписи 24,4% жителей, ответивших на вопрос о наличии или отсутствии регистрации, не имеют регистрацию в помещении, в котором проживают, а также не имеют постоянной регистрации (регистрацию по месту жительства, то есть т. н. «прописку») в населенном пункте проживания. Это самый высокий показатель среди всех административных центров субъектов федерации, для сравнения на втором месте Махачкала (12,9%), а на третьем — Сыктывкар (12,6%). В Элисте показатель также относительно высок — 9,4%. При этом определить, имеют ли данные лица регистрацию по месту пребывания (временную регистрацию), особенно на длительные сроки, по опубликованным материалам микропереписи невозможно.

Таким образом, почти четверть населения Кызыла и каждый десятый житель Элисты имеет повышенную вероятность быть не учтенным в качестве части постоянного населения, т. к. текущий учет основан именно на юридической регистрации демографических событий, в т. ч. получении при переезде регистрации по месту жительства или месту пребывания на срок от 9 месяцев и более. Особенно это важно для возрастной группы 20–24 года — среди них не имело постоянную регистрацию в Элисте почти 19%, а в Кызыле и вовсе 42%.

По итогам Всероссийской переписи населения 2021 г., оценки численности населения Кызыла и Элисты могут быть пересмотрены (в т. ч. «задним числом» в течение всего межпереписного интервала 2011–2021 гг., пропорционально новым значениям миграционного прироста). Переписные оценки численности населения считаются более точными, чем расчеты на основе соотношения естественного и миграционного движения населения. Учет числа рождений и смертей в России осуществляется достаточно полно, в отличие от учета прибытий и выбытий на постоянное место жительства, подверженного куда большим искажениям. В переписях населения выявление постоянно проживающих ведется со слов опрашиваемых и не зависит от наличия или отсутствия каких-либо документов (Мкртчян, 2011). В программе ВПН–2021 (как и в МПН–2015 и пробной переписи населения 2018 г.) также содержался вопрос о регистрации, поэтому по её итогам можно будет установить, какая часть постоянного населения Кызыла и Элисты не относится к населению юридическому (приписному, списочному).

Стоит отметить, что пересмотр численности населения по итогам переписи за счет переоценки показателей миграционного прироста может быть не только в большую, но и в меньшую сторону. Так, изменения в отечественной методике учета миграции с 2011 г., т. е. автоматический учет мигрантов в качестве выбывших после окончания срока временной регистрации, вероятно, способствуют искусственному завышению притока в Туву, и, в меньшей степени, Калмыкию (Мкртчян, 2020). Вполне вероятно, что определенная часть этой «виртуальной», существующей только «на бумаге» возвратной миграции относится и к столицам республик.

В диаграмме 1 приведена динамика численности населения Кызыла и Элисты, согласно имеющимся на сегодняшний день официальным данным БД ПМО. Здесь и далее будет использована статистика по городским округам, т. к. выделить из БД ПМО и других официальных источников демографические показатели, относящиеся непосредственно к городам, без остальных территорий, входящей в состав городского округа весьма затруднительно. Тем не менее, в случае и Элисты, и Кызыла, подавляющая часть жителей проживают именно в основной части города.

¹ Итоги микропереписи населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 20.02.2022).

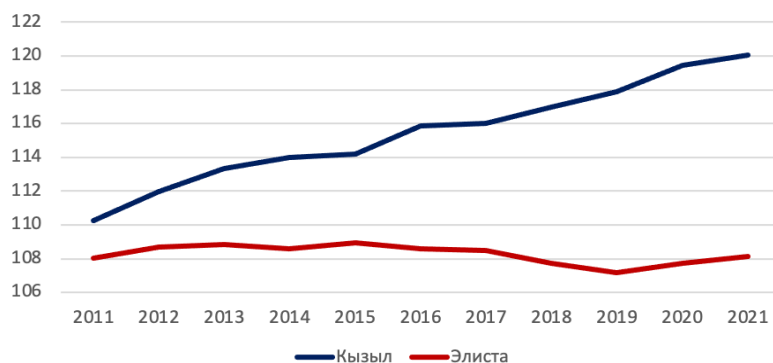

Диаграмма 1. Динамика численности населения Кызыла и Элисты в 2011–2021 гг., тыс. чел.¹

Graph 1. Dynamics of population change in the cities of Kyzyl and Elista, 2011–2021, thousands.

В Кызыле, согласно официальным данным Росстата, проживает 36% населения Тувы, тогда как в Калмыкии на столичный городской округ приходится около 40% населения региона. Согласно официальной статистике, за период 2011–2021 гг. численность населения Кызыла выросла почти на 10 тыс. чел., тогда как в Элисте рост составил менее 100 человек.

Если оперировать относительными показателями, то за исследуемое время среднегодовые темпы прироста численности населения Кызыла составили 0,857%, а Элисты — всего лишь 0,009%. Соответственно, для удвоения численности населения Кызыла, при условии сохранения подобных темпов прироста, понадобится около 81 с половиной лет, а Элисты — почти 7,8 тысячелетий (Денисенко, Калмыкова, 2009). Подобные чисто умозрительные подсчеты приведены лишь с целью демонстрации, как различия в показателях скорости изменения численности населения в долгосрочной и сверхдолгосрочной перспективе могут привести к совершенно разным результатам.

В инвестиционной стратегии развития города Элисты до 2025 г.², принятой в конце 2015 г., со-держится прогноз численности населения, согласно которому, на конец 2020 г. предполагалось, что в Элисте будет проживать 111,6 тыс. человек. Учитывая, что численность на конец года должна быть примерно равной численности населения на начало следующего года, отмечаем, что на 1 января 2021 г. официальная оценка численности населения Элисты равнялась 108,1 тыс. человек. С момента составления прогноза, тренд динамики численности населения Элисты, напротив, стал нисходящим.

И Кызыл, и Элиста аккумулируют значительную часть населения республик. В Кызыле население в последнее десятилетие стабильно растет, тогда как среднегодовые темпы прироста столицы Калмыкии близки к нулю. Согласно МПН–2015, в Кызыле, как минимум, вдвое выше доля населения с повышенной вероятностью быть не включенным в официальную оценку численности населения до проведения новой переписи. Данное обстоятельство затрудняет демографические исследования на локальном уровне, т. к. знаменателем многих относительных показателей является официальная численность населения, либо его отдельных составных частей (прежде всего, возрастных и половозрастных групп).

Компоненты динамики численности населения

Динамику общей численности населения определяет величина общего прироста населения, состоящая из двух компонентов — естественного и миграционного прироста (либо, в случае их отрицательных значений — убыли). В диаграмме 2 приведены значения данных приростов за доступное для анализа время. Отметим, что для Элисты демографическая статистика в БД ПМО оказалась доступной не для всего изучаемого периода.

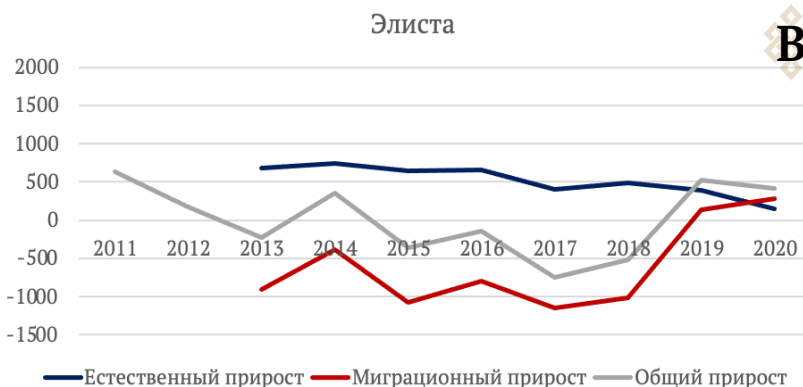
¹ Составлено авторами по БД ПМО.

² Инвестиционная стратегия развития города Элисты до 2025 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/440555012> (дата обращения: 20.02.2022).

Диаграмма 2 (А и В). Значения общего, естественного и миграционного приростов в Кызыле (А) и Элисте (В) в 2011–2020 гг., чел.¹
Graph 2. Gross, natural and migrational population growth in Kyzyl and Elista, 2011–2020.

В обоих изучаемых городах происходит довольно редкое для нашей страны в целом, и для городского населения в частности, сочетание естественного прироста и миграционной убыли. Но существенное отличие состоит в том, что в Кызыле естественный прирост пока заметно превышает миграционную убыль, а в Элисте — высокая миграционная убыль ведет к общей убыли населения.

Согласно уравнению демографического баланса, естественный прирост — это разница между числом родившихся и умерших, а миграционный прирост — между прибывшими и выбывшими (Абылкаликов, 2021).

Таблица 1. Компоненты динамики численности населения Кызыла и Элисты в 2011–2020 гг., чел.²
Table 1. Components of population growth in Kyzyl and Elista, 2011–2020.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Кызыл</i>										
Родившиеся	2344	2218	2261	2260	2833	2170	2103	1904	2404	2851
Умершие	1050	1038	1003	1019	929	946	789	871	814	979
Прибывшие	4261	4680	4260	3566	4314	4362	5089	5320	4766	3719
Выбывшие	3802	4522	4865	4612	4528	5442	5435	5432	4822	4956
<i>Элиста</i>										
Родившиеся	-	-	-	1729	1536	1644	1426	1458	1375	1320
Умершие	-	-	-	993	894	988	1024	972	985	1177
Прибывшие	-	-	4703	4871	5293	5349	5040	4992	5534	4642
Выбывшие	-	-	5616	5255	6375	6145	6195	6003	5400	4359

Согласно таблице 1, мы можем установить, что в Кызыле при сопоставимом числе смертей, заметно выше число родившихся (в доступные для анализа 2014–2020 гг.). Но это вовсе не значит, что в изучаемых городах сопоставимая смертность, а рождаемость выше в Кызыле. На величину абсолютных значений родившихся и умерших влияют общая численность населения, структурные особенности населения (в первую очередь — возрастная структура) и непосредственно сама интенсивность происходящих демографических процессов. Поэтому в следующих разделах будут рассмотрены структур-

¹ Данные по естественному и миграционному приросту в Элисте доступны лишь для 2013–2020 гг.

² Составлено авторами по БД ПМО.

ные особенности населения городов (прежде всего — половозрастной структуры), а также доступные для анализа относительные показатели, характеризующие естественное движение населения.

Отметим, что при анализе миграционных процессов относительные показатели, за исключением общих коэффициентов, а также возрастных коэффициентов, широкого распространения среди исследователей пока еще не получили.

Демографическая структура населения

Основными демографическими и социально-демографическими структурами являются половая и возрастная структуры, которые часто исследователи объединяют в половозрастную структуру, а также этническая, брачно-семейная, по образованию, по уровню доходов и т. д. структуры. Информацию о большей части указанных параметров получают при помощи переписей населения или выборочных обследований (к которым также относятся и микропереписи). Оценки половозрастной структуры можно получать и при помощи данных текущего учета, на основе информации о числе родившихся, умерших и миграционном приросте по отдельным возрастным группам.

В данной работе мы рассмотрим доступные для анализа на уровне изучаемых городов этническую и возрастную-половую структуры.

Согласно итогам ВПН–2010, в изучаемых городах был сопоставимый этнический состав: из указавших национальную принадлежность в Кызыле на русских приходилось 28,4% и 68,1% на титульную этническую группу, а в Элисте — 26,2% и 69,4% соответственно. Доля остальных национальностей была менее 5%. Следующий срез по этническому составу изучаемых городов будет доступен уже после обработки и публикации материалов последней переписи населения.

Возрастная структура способна сильно влиять на происходящие в населении демографические процессы. Так, более молодое население будет продуцировать большее число рождений, либо заключений браков. Существенная часть миграционных перемещений происходит в возрастном интервале 18–30 лет, с последующим снижением интенсивности. Второй небольшой пик уже, как правило, связан с выходом на пенсию (Rogers, Watkins, Woodward, 1990). В более пожилом населении будет наблюдаться большее число умерших из-за сильной концентрации смертей в старших возрастах.

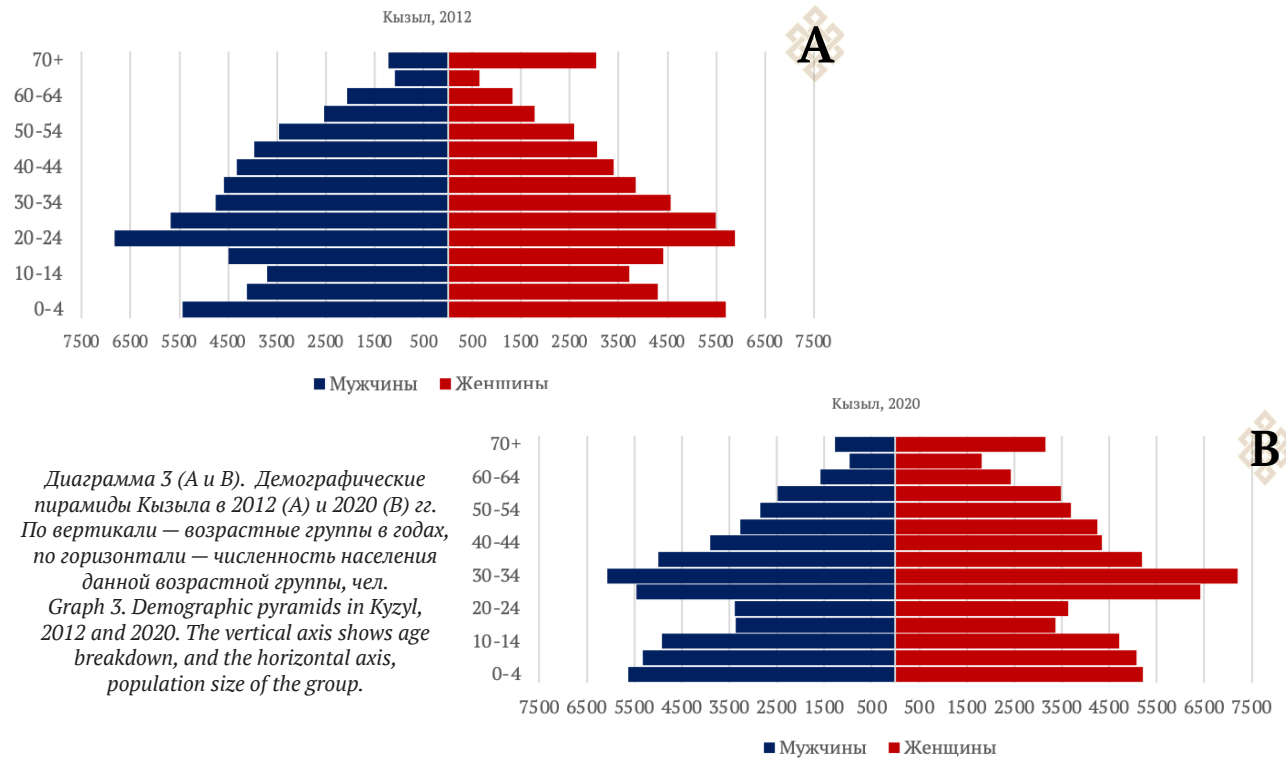
В России в целом, и в абсолютном большинстве ее регионов, возрастная структура населения не только стара, но и существенно деформирована. Деформации проявляются и в ярко выраженных демографических волнах, которые вызваны демографическими катастрофами, случившимися в нашей стране в первой половине прошлого века, «эхом войны», происходящими время от времени социальными и экономическими потрясениями, а также демографическим переходом с закономерным снижением смертности и рождаемости (Вишнеvский, 2016).

Показатели половой и возрастной структуры для Элисты оказались доступны с начала 2012 г., поэтому в целях обеспечения сопоставимости, анализ для Кызыла также проведен для этой даты. В *диаграммах 3 и 4* представлены демографические пирамиды, а в *таблице 2* — показатели возрастной и половой структуры изучаемых городов. Помимо характерных сильных деформаций, присущих всей стране и большинству ее регионов, демографические пирамиды изучаемых городов имеют и свои особенности. В Элисте наблюдается женское преобладание (на 100 мужчин приходится более 120 женщин), тогда как в Кызыле в 2012 г. на 100 мужчин приходилось 92 женщины, а в 2020 г. соотношение кардинально изменилось и стало ближе к показателям Элисты или общероссийским — на 100 мужчин стало приходиться 115 представительниц противоположного пола. Особенно аномальными в этом плане в 2012 г. являлись возрастные группы от 35 до 69 лет, в которых вместо ожидаемого женского перевеса наблюдался их заметный дефицит.

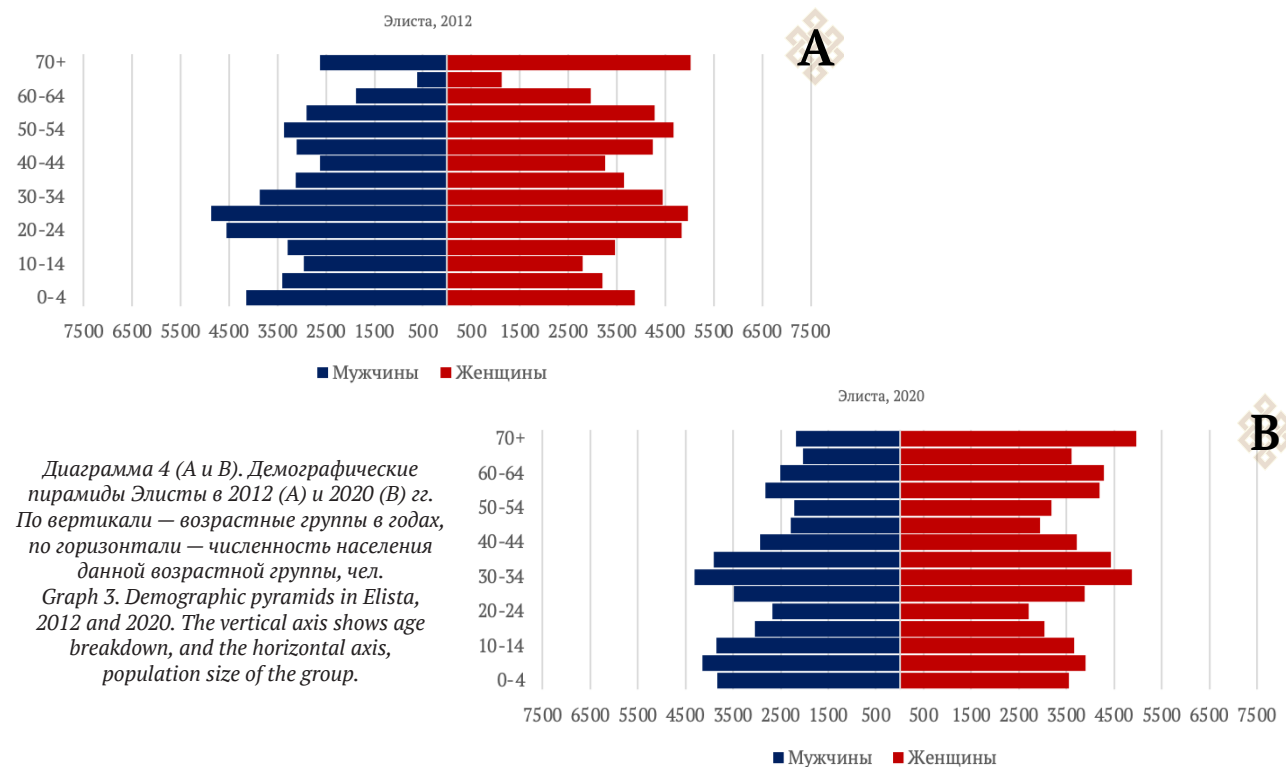
Аномальное третичное соотношение полов (во всем населении или в отдельных возрастных группах) может быть вызвано вторичным соотношением (т. е. при рождении), различиями в смертности мужчин и женщин, в интенсивности миграции и качеством статистического учета. С учётом того, что ранее Тува не отличалась какими-то заметными перекосами во вторичном соотношении полов, а различия по полу в уровне смертности напротив, должны приводить к нарастающему женскому перевесу с возрастом, по-видимому, столь существенные различия в 2012 г. вызваны миграцией или погрешностями статистического учета, либо их сочетанием между собой. Стоит подчеркнуть, что в общем случае данные на 1 января 2012 г. должны быть более точными, чем все последующие, т. к.

с предыдущей переписи населения прошло чуть более года и на этот момент еще не должны были накопиться существенные погрешности учета.

В свете реализующейся в настоящее время в России пенсионной реформы и для обеспечения боль-

шей сопоставимости с международными стандартами расчетов показателей возрастной структуры и демографической нагрузки критерий выделения возраста старше трудоспособного определен единый для обоих полов — 60 лет и более (таблица 2). Определению порога для возрастной группы старше трудоспособного в 65 лет и более препятствует относительно высокая смертность и, соответственно, низкая продолжительность жизни в нашей стране. Также, в соответствии с международными стандартами, детские возраста определены не как 0–15 лет, а 0–14 лет включительно.

Таблица 2. Показатели возрастной и половой структуры Кызыла и Элисты в 2012 и 2020 гг.

Table 2. Breakdown of the population of Kyzyl and Elista by gender, 2012 and 2020.

Показатель	Кызыл		Элиста	
	2012	2020	2012	2020
Число женщин на 100 мужчин	92	115	120	123
Медианный возраст, лет	28,3	31,2	33,4	35,4
Индекс старения	34,8	36,4	69,9	85,3
Доля пожилых (60+ лет), в %	8,4	9,4	13,7	19,0
Коэффициент нагрузки детьми (0–14 лет), в ‰	357	399	293	378
Коэффициент нагрузки пожилыми (60+ лет), в ‰	124	145	205	322
Коэффициент общей нагрузки, в ‰	481	544	498	700

Основным показателем, характеризующим эволюцию возрастной структуры и старение населения, является доля пожилых. В Элисте к 2020 г. он существенно увеличился и стал вдвое выше, чем в Кызыле. Остальные меры возрастной структуры — индекс старения (число пожилых, приходящихся на 100 детей), медианный возраст (разделяющий население на равные группы, в которых половина людей младше данного возраста, а другая половина — старше) и коэффициент нагрузки пожилыми для Элисты также выше, как в 2012 г., так и в 2020 г.

При сходном коэффициенте нагрузки детьми в 2020 г., в Кызыле более чем вдвое ниже коэффициент нагрузки пожилыми, поэтому общий коэффициент демографической нагрузки (т. е. отношение непродуцирующего населения к числу лиц в рабочих возрастах) также существенно ниже, что потенциально может благоприятно сказываться на экономическом развитии города в кратко- и среднесрочной перспективе за счет высокой доли работающих в населении и относительно низких расходов на потенциальных иждивенцев.

Рождаемость

Одной из наиболее распространенных характеристик рождаемости является общий коэффициент рождаемости (ОКР), который рассчитывается как отношение числа родившихся на среднегодовую численность населения (диаграмма 5). Основными достоинствами ОКР, как и всех остальных общих коэффициентов, является простота расчета и пригодность для сравнения демографических процессов в разных по численности населенных пунктах.

ОКР в Кызыле значительно выше, чем в Элисте, но стоит отметить, что у данного показателя имеются существенные недостатки, перекрывающие все ранее перечисленные достоинства — он зависит не только от интенсивности процесса, но и от состава населения — полового и возрастного. В его знаменателе масса населения, которая в принципе не «продуцирует» рождаемость в прямом смысле: мужчины, а также женщины нерепродуктивных возрастов (младше 15 или старше 50 лет).

Для преодоления недостатков ОКР применяются другие показатели, которые уже не приводятся в БД ПМО. Первый из них — специальный коэффициент рождаемости (СпецКР) (диаграмма 6). Он рассчитывается как отношение числа родившихся на среднегодовую численность женщин в репродуктивных возрастах (15–49 лет включительно).

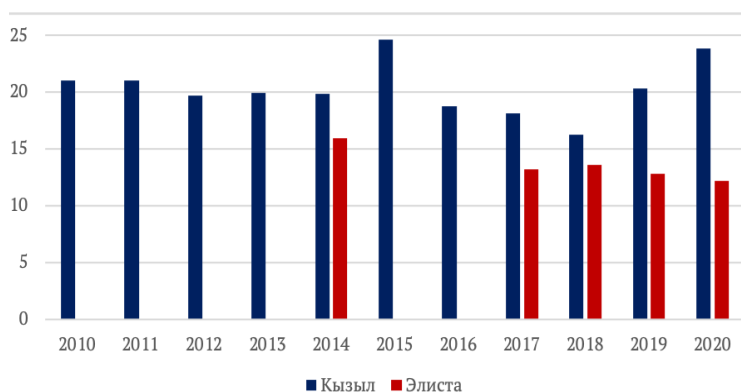

Диаграмма 5. Общий коэффициент рождаемости в Кызыле и Элисте по годам в период 2010–2020 гг., промилле.

Graph 5. Gross birth rate in Kyzyl and Elista by year, 2010–2020, ‰.

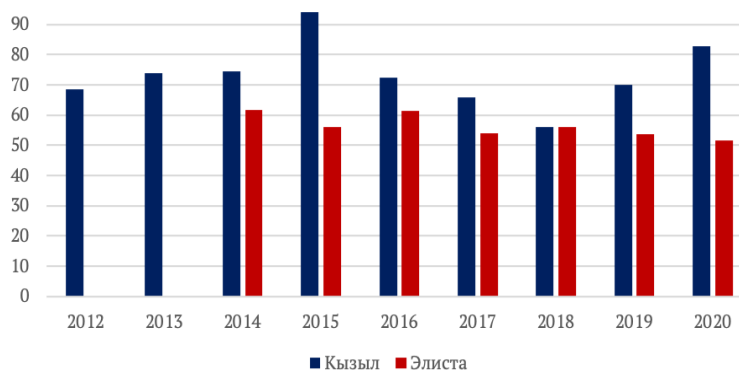

Диаграмма 6. Специальный коэффициент рождаемости в Кызыле и Элисте по годам в период 2012–2020 гг., промилле.

Graph 6. Live birth rates in Kyzyl and Elista by year, 2010–2020, ‰.

Тем не менее, данный показатель также является зависимым от возрастной структуры, пусть и в меньшей степени, чем ОКР. Репродуктивный интервал также весьма неоднороден, интенсивность рождаемости минимальна в самых младших и старших возрастах, а достигает максимума в 20–30 лет или чуть позже в случае, к примеру, европейских стран.

Более точными измерителями рождаемости являются возрастные коэффициенты рождаемости, а также рассчитанный на их основе коэффициент суммарной рождаемости (КСР), который в литературе имеет и другие названия: суммарный коэффициент рождаемости (СКР), либо англоязычное Total fertility rate (TFR)¹.

Для всех городов с населением от 100 тыс. чел. Росстат ежегодно рассчитывает, но не публикует оценки коэффициента суммарной рождаемости, а также ожидаемой продолжительности жизни (диаграмма 6; таблица 3). Исследователи могут получить подобные данные для изучаемых городов (с населением свыше 100 тыс. чел.) путем направления запросов в статистическое ведомство.

¹ Коэффициент суммарной рождаемости (КСР) — среднее число детей, которых родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) при условии сохранения в каждой возрастной группе уровня рождаемости года, для которого вычислен данный показатель.

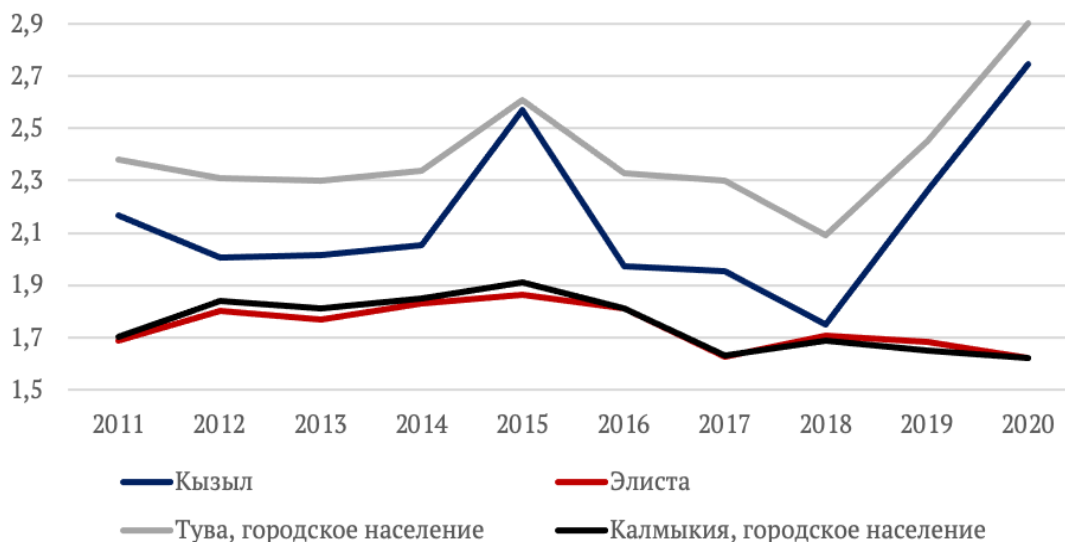

Диаграмма 7. Коэффициент суммарной рождаемости, рождений на 1 женщину, 2011–2020 гг.
Graph 7. Fertility rate per a woman, 2011–2020.

Для более полного сравнения в диаграмме 7 размещены также КСР для всего городского населения Тувы и Калмыкии. Рождаемость в Элисте и в городском населении относительно мало отличаются друг от друга и в целом ниже показателей не только Тувы, но и Кызыла. В Кызыле оценки КСР, даже по сравнению с оценками всего городского населения Республики Тыва, подвержены довольно сильным колебаниям, а в 2018–2020 гг. показатель необъяснимо «подскочил» с 1,705 до 2,748 детей на женщину.

Исследователи рождаемости отмечают, что с 2015 г. рождения стали преимущественно приписываться не к месту жительства родителей, а к месту наступления рождений (Захаров, 2017; Чудиновских, 2021). А. Н. Петросян отмечает, что наиболее значительный разрыв наблюдается именно в Туве и Калмыкии, в которых из-за недостаточного развития здравоохранения в сельской местности, повышается доля рождений (и, соответственно в определенной мере их регистраций) в региональных центрах при отсутствии других больших городов. И действительно, с 2015 г. КСР в Элисте даже чуть выше, чем в целом по Калмыкии. Другими возможными причинами высоких показателей рождаемости исследователь называет неполно учитываемую статистикой миграцию молодежи в столицы республик. Также в этой работе приводятся собственные оценки КСР для Кызыла (1,75–2,0) и Элисты (1,5–1,75) в 2018 г., которые в целом можно считать схожими с оценками Росстата.

Смертность

Как и при изучении рождаемости, для характеристики смертности абсолютные значения являются малоприменимыми для сопоставлений между регионами и муниципалитетами в силу разности численности населения. Одним из простейших относительных показателей является общий коэффициент смертности (ОКС). А на диаграмме 8 и в таблице 3 размещена информация о более точной характеристике смертности, не подверженной влиянию возрастной структуры — ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

Сравнение показателей ОКС и ОПЖ для Кызыла и Элисты демонстрирует слабую информативность и малую пригодность использования и общих коэффициентов для анализа смертности (впрочем, как и для рождаемости) — несмотря на то, что в Элисте ОКС выше, ОПЖ для обоих полов, а также мужчин и женщин по отдельности, также выше. Чем дольше в среднем предстоит прожить новорожденному в населении, тем, соответственно, ниже смертность. ОКС в Кызыле ниже из-за менее возрастного, «молодого» населения. Определенные искажения в ОКС, также как и в ОПЖ тоже, происходят из-за «проблемы знаменателя», то есть погрешностей оценки как общей численности населения, так и ее возрастной структуры (Юмагузин, Винник, 2019).

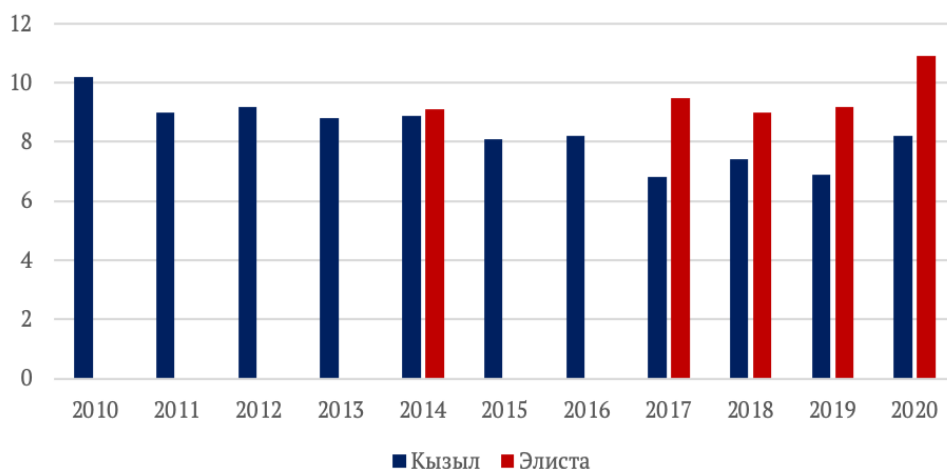

Диаграмма 8. Общий коэффициент смертности в Кызыле и Элисте, по имеющимся данным по годам за 2010–2020 гг., промилле.
Graph 8. Gross death rate in Kyzyl and Elista, according to data available for 2010–2020, ‰.

Сравнение стандартизованных коэффициентов смертности (СКС) и ОПЖ также демонстрирует, что в 2008–2012 гг. смертность в Кызыле была выше. У мужчин СКС равнялся 19,5–22,1‰ и ОПЖ около 60,1 лет (в Элисте — 12,6–16,1‰ и 66,0 лет), а у женщин более 11‰ (и ОПЖ ниже 69,2 лет), тогда как в Элисте СКС был всего лишь 6,8–7,8‰, а продолжительность жизни 76,9 лет. СКС в данном случае показывает, каким мог бы быть общий коэффициент смертности, если бы возрастная структура населения обоих городов была одинаковой (то есть с устранением различий в возрастной структуре) — как в стандарте Всемирной организации здравоохранения 1976 г. для Европы (Timonin et al., 2020).

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Кызыле и Элисте в 2011–2020 гг. по полу, лет

Table 3. Life expectancy at birth in years in Kyzyl and Elista, 2011–2020, sorted by gender.

Город	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Оба пола										
Кызыл	65,63	65,76	66,97	66,78	68,55	68,77	71,60	70,77	71,82	69,90
Элиста	71,93	71,65	72,72	73,22	73,03	74,11	73,77	75,14	75,23	73,01
Мужчины										
Кызыл	60,12	60,65	61,66	61,47	62,88	62,98	66,56	65,68	67,17	65,19
Элиста	65,42	64,94	65,99	67,68	65,49	68,03	67,70	69,27	68,97	68,01
Женщины										
Кызыл	70,79	70,50	71,70	71,68	73,50	74,11	75,93	75,14	75,69	74,06
Элиста	77,92	77,65	78,25	77,94	76,75	78,99	78,69	80,07	80,33	76,94

Помимо прочего, по таблице 3 можно оценить какой ущерб в 2020 г. понесли оба города в результате пандемии COVID-19: показатели ОПЖ «откатились» назад на уровни 5–6 летней давности, причем у мужчин сокращение продолжительности жизни выражено сильнее, чем у женщин.

Миграция населения

Как уже отмечалось выше, для обоих изучаемых городов характерна миграционная убыль, которая полностью или частично компенсируется естественным приростом. В таблицах 4 и 5 приведена структура миграционного прироста по направлениям миграции (внутрирегиональная, межрегиональная и международная), включая для каждого пола по отдельности для Кызыла и Элисты соответственно.

Таблица 4. Миграционный прирост в Кызыле по полу и направлениям, человек.
Table 4. Population growth in Kyzyl due to migration, sorted by gender and type.

Направление миграции	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Оба пола</i>										
Вся миграция	459	158	-605	-1046	-214	-1080	-346	-112	-56	-1237
Внутрирегиональная	1893	1660	955	123	910	-275	303	609	314	-329
Межрегиональная	-1469	-1536	-1563	-1269	-1101	-1022	-573	-841	-701	-752
Международная	35	34	3	100	-23	217	-76	120	331	-156
<i>Женщины</i>										
Вся миграция	418	316	-194	-622	84	-725	-113	24	-222	-796
Внутрирегиональная	1287	1169	716	132	690	-152	236	461	193	-302
Межрегиональная	-877	-860	-912	-772	-612	-604	-362	-475	-477	-436
Международная	8	7	2	18	6	31	13	38	62	-58
<i>Мужчины</i>										
Вся миграция	41	-158	-411	-424	-298	-355	-233	-136	166	-441
Внутрирегиональная	606	491	239	-9	220	-123	67	148	121	-27
Межрегиональная	-592	-676	-651	-497	-489	-418	-211	-366	-224	-316
Международная	27	27	1	82	-29	186	-89	82	269	-98

В обоих городах внутрирегиональный миграционный прирост за доступное для изучения время положительный, но межрегиональная миграция – отрицательная, поэтому весь миграционный прирост в сумме также отрицательный (за исключением Кызыла в 2011–2012 гг.).

Таблица 5. Миграционный прирост в Элисте по полу и направлениям, человек.
Table 5. Population growth in Elista due to migration, sorted by gender and type.

Направление миграции	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Оба пола</i>								
Вся миграция	-913	-384	-1082	-796	-1155	-1011	134	283
Внутрирегиональная	487	662	383	53	185	463	878	652
Межрегиональная	-1526	-1012	-1397	-800	-1296	-1462	-739	-372
Международная	126	-34	-68	-49	-44	-12	-5	3
<i>Женщины</i>								
Вся миграция	-498	-184	-456	-266	-450	-463	111	114
Внутрирегиональная	288	394	366	197	261	376	572	412
Межрегиональная	-847	-579	-789	-448	-687	-832	-456	-299
Международная	61	1	-33	-15	-24	-7	-5	1
<i>Мужчины</i>								
Вся миграция	-415	-200	-626	-530	-705	-548	23	169
Внутрирегиональная	199	268	17	-144	-76	87	306	240
Межрегиональная	-679	-433	-608	-352	-609	-630	-283	-73
Международная	65	-35	-35	-34	-20	-5	0	2

Международная миграция в случае Элисты довольно незначительная по размерам и преимущественно отрицательная, а в Кызыле значения международной миграции в среднем выше, но её характер неустойчивый, наблюдаются то положительные значения, то отрицательные. Если рассматривать по каждому полу отдельно, то женщины более активны как по притоку в изучаемые города в результате внутрирегиональной миграции, так и по оттоку в межрегиональной миграции. Что, возможно, отчасти объясняет «дефицит» женщин в демографической пирамиде Кызыла на начало 2012 г.

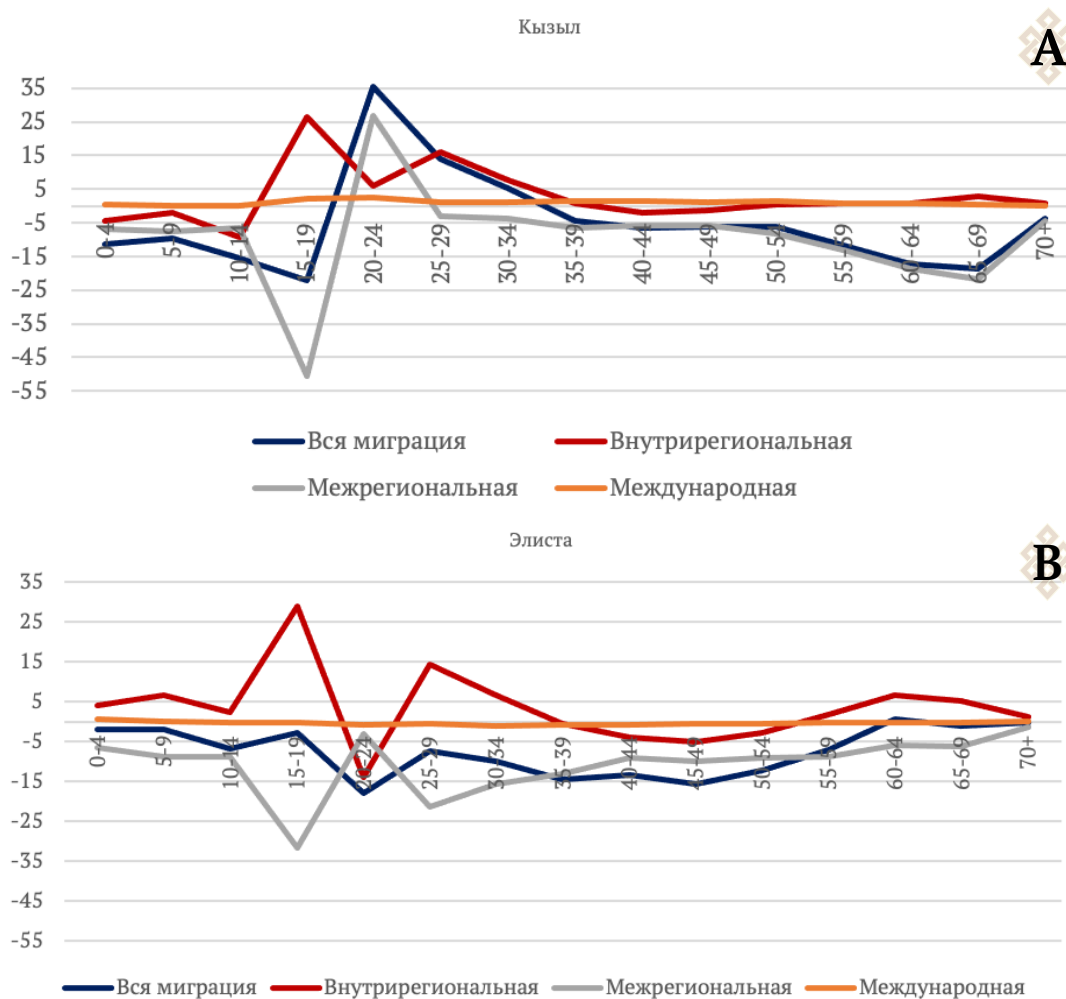

Диаграмма 9 (А В). Возрастные коэффициенты миграционного прироста в среднем за 2015–2019 гг. в Кызыле (А) и Элисте (В).

Diagram 9. Age-specific rates of migration-related population growth in Kyzyl and Elista, averages for 2015–2019.

На диаграмме 9 представлены возрастные коэффициенты миграции в среднем за 2015–2019 гг. Как и в других исследованиях (Rogers, Watkins, Woodward, 1990; Abylkalikov, Sazin, 2019; Karachurina, Mkrтчyan, 2020, 2021) самыми активными миграционными возрастными группами являются возрастные группы от 15–19 лет и далее, до 25–29 лет, с заметным снижением в следующих возрастных группах. То есть с начала получения профессионального образования и старта взрослой жизни. Четко выделяется некая «возвратная миграция» в возрастах 20–24 года. Эта возрастная группа примерно соответствует окончанию обучения в учебных заведениях (и регистрации в общежитиях вузов и ССУЗов). Как уже сказано выше, данных «возвращений» в реальности скорее всего не существует, они являются «виртуальными», существующими только на «бумаге» (Мкртчян, 2020).

По-видимому, положительному миграционному приросту во внутрирегиональной миграции почти во всех возрастных группах способствует до сих пор довольно высокая доля сельского населения в Туве

и особенно в Калмыкии, которая со временем будет только снижаться. Полный процесс урбанизации включает в себя изменение доли городского населения от 10% или менее, до 70% или более, а ближе к концу демографического перехода, в условиях снижения естественного прироста и даже перехода его к отрицательным значениям, именно миграция начинает выходить на роль основного источника роста городского населения (Abylkalikov, 2016).

В результате межрегиональной миграции из Кызыла уезжают люди предпенсионного и пенсионного возрастов, а в Элисте наоборот, небольшой приток. Как пишут исследователи, повышенную долю среди уезжающих из Кызыла пожилых составляют этнические русские (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999; Гунаев, Бадмаева, Кованова, 2019; Анайбан, 2020), что приводит к сокращению их доли во всем населении республики.

Заключение

В последние годы со стороны исследователей растет интерес к демографическим процессам, происходящим на локальном — муниципальном и поселенческом уровнях. Но проведению исследований препятствует как отсутствие наиболее информативных демографических индикаторов, так и недостаточное владение методами анализа. В данном исследовании мы провели сравнительный анализ особенностей населения столиц двух братских республик. На первый взгляд, у Кызыла и Элисты много общего — сопоставимая численность, схожий этнический и конфессиональный состав. Но применение более специализированных показателей и методов анализа продемонстрировало, что также велики и различия.

У обоих изучаемых городов существуют определенные погрешности в оценке численности как населения в целом, так и его отдельных возрастных групп. По-видимому, для Кызыла эта проблема более существенна. При этом, согласно текущим допереписным оценкам, численность населения столицы Тувы в последнее десятилетие довольно быстро растет, тогда как Элисты — уже скорее стагнирует. В обоих городах естественный прирост сочетается с миграционной убылью (прежде всего, за счет отрицательной внутрироссийской межрегиональной миграции).

Как и предполагалось, рождаемость в Кызыле выше, чем в Элисте. Это подтверждают и оценки коэффициента суммарной рождаемости. Но более высокому числу рождений, а также общему и специальному коэффициентам рождаемости, способствует более молодая возрастная структура населения Кызыла. Разница в возрастной структуре искажает оценки смертности, если их проводить по общим коэффициентам может обманчиво показаться, что смертность выше в Элисте. Но применение показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении все расставляет по своим местам — и мужчины, и женщины, и все население в целом в столице Калмыкии живут дольше, соответственно, их смертность ниже, чем в Кызыле.

Оценки миграционного прироста по направлениям, включая по каждому полу по отдельности, а также возрастные профили миграционного прироста в изучаемых городах весьма схожи между собой. Тем не менее, выбытие лиц в возрастах старше трудоспособного из Кызыла дополнительно снижает и без того низкую нагрузку пожилыми на трудоспособное население и, гипотетически, способно содействовать экономическому развитию города за счет оптимизации возрастной структуры. Тогда как нагрузка детьми в последние годы в обеих столицах стала сопоставимой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. № 49–4 (49). С. 62–66.
- Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки по истории постсоветской Тувы. М. : ЦИМО РАН. 412 с.
- Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Вишневский, А. Г. (2014) Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens // Демографическое обозрение. № 1(1). С. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>

Вишневский, А. Г. (2016) Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. № 3(2) С. 6–42. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1752>

Гунаев, Е. А., Бадмаева, Н. В., Кованова, Е. С. (2019) Индикаторы социального неблагополучия населения: этнорегиональная специфика Калмыкии, Бурятии и Тувы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 190–201. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.1.14>

Денисенко, М. Б., Калмыкова, Н. М. (2009) Демография. М. : ИНФРА-М. 432 с.

Захаров, С. В. (2017) Потенциал структурных факторов роста рождаемости исчерпан? Часть первая [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. №. 731–732. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0731/tema01.php> (дата обращения: 20.02.2022).

Кашницкий, И. С. (2014) Что в возрасте тебе моем? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. №. 581–582. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0581/tema01.php> (дата обращения: 20.02.2022).

Ламажаа, Ч. К., Намруева, Л. В. (2018) Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 206–226. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>

Мкртчян, Н. В. (2011) Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 28–41. DOI: <http://doi.org/10.1134/S2079970511030087>

Мкртчян, Н. В. (2020) Проблемы в статистике внутрirosсийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. № 7(1). С. 83–99. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>

Петросян, А. Н. (2021) Рождаемость в муниципальных образованиях России в 2011–2019 гг. // Демографическое обозрение. Т. 8 № 3. С. 42–73. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>

Тиникова, Е. Е. (2021) Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации // Oriental Studies. № 14(2). С. 275–290. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-54-2-275-290>

Чудиновских, О. С. (2021) К вопросу о создании регистра населения и использовании административных данных для нужд государственной статистики // Вопросы статистики. № 28(1). С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-5-17>

Щур, А. Е. (2018) Города-миллионники на карте смертности России // Демографическое обозрение. Т. 5. № 4. С. 66–91. DOI: <http://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8663>

Юмагузин, В. В., Винник, М. В. (2019) Проблемы качества статистики смертности в России // ЭКО. № 10. С. 54–77. DOI: <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-10-54-77>

Ярмаркина, Г. М. (2019) Калмыки и тувинцы в русском дискурсе XX — начала XXI века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 154–164. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.13>

Abylkalikov, S. (2016) Migration Activity and Adaptation of Russian Regional Populations // Regional Research of Russia. Vol. 6. No. 4. P. 357–365. DOI: <http://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

Abylkalikov, S. I., Sazin, V. S. (2019) Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989–2015 censuses and microcensuses // Baltic Region. Vol. 11. No. 2. P. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>

Dyson, T. (2011) The role of the demographic transition in the process of urbanization // Population and Development Review. Vol. 37. № 1. P. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00377.x>

Karachurina, L. B., Mkrтчyan, N. V. (2020) Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia // Comparative Population Studies. № 44. P. 413–446. DOI: <http://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12en>

Karachurina, L. B., Mkrтчyan, N. V. (2021) Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals // Regional Research of Russia. Vol. 11. №. 1. P. 48–60. DOI: <http://doi.org/10.1134/S2079970521010068>

Rogers, A., Watkins, J. F., Woodward, J. A. (1990) Interregional Elderly Migration and Population Redistribution in Four Industrialized Countries A Comparative Analysis // Research on Aging. Vol. 12. № 3. P. 251–293.

Timonin, S., Jasilionis, D., Shkolnikov, V., Andreev, E. (2020) New perspective on geographical mortality divide in Russia: a district-level cross-sectional analysis, 2008–2012 // Journal of Epidemiology and Community Health. Vol. 74. № 2. P. 144–150. DOI: <http://doi.org/10.1136/jech-2019-213239>

Дата поступления: 21.02.2022 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Anaiban, Z. V. (2020) Sovremennaia migratsionnaia situatsiia v Respublike Tyva [Contemporary migration situation in the Republic of Tuva]. *Sciences of Europe*, no. 49–4 (49), pp. 62–66. (In Russ.).

Anaiban, Z. V., Guboglo, M. N. and Kozlov M. S. (1999) *Formirovanie etnopoliticheskoi situatsii [Shaping the ethnopolitical situation]*. Moscow, Center for the Study of Interethnic Relations RAS. Vol. 1: Ocherki istorii postsovetskoi Tuvy [Essays on the history of post-Soviet Tuva]. 420 p. (In Russ.).

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Vishnevskii, A. G. (2014) Demograficheskaia revoliutsiia meniaet reproduktivnuiu strategiiu vida Homo sapiens [The demographic revolution is changing the reproductive strategy of *Homo sapiens*]. *Demographic Review*, no. 1(1), pp. 6–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>

Vishnevskii, A. G. (2016) Demograficheskie posledstviia Velikoi Otechestvennoi voiny [Demographic consequences of the Great Patriotic War]. *Demographic Review*, no. 3(2), pp. 6–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1752>

Gunaev, E. A., Badmaeva, N. V. and Kovanova, E. S. (2019) Indikatory sotsial'nogo neblagopoluchiiia naseleniia: etnoregional'naia spetsifika Kalmykii, Buriatii i Tuvy [Social insecurity indicators: ethnoregional specifics in Kalmykia, Buryatia and Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 190–201. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.1.14>

Denisenko, M. B. and Kalmykova, N. M. (2009) *Demografiia [Demographics]*. Moscow, INFRA-M. 432 p. (In Russ.).

Zakharov, S. V. (2017) Potentsial strukturnykh faktorov rosta rozhdaiemosti ischerpan? Chast' pervaiia [Is the potential of structural factors of fertility growth exhausted? Part one]. *Demoskop Weekly*, no. 731–732 [online] Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0731/tema01.php> (access date: 20.02.2022). (In Russ.).

Kashnitskii, I. S. (2014) Chto v vozraste tebe moem? [What's my age to you?]. *Demoskop Weekly*, no. 581–582 [online] Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0581/tema01.php> (access date: 20.02.2022). (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Namrueva, L. V. (2018) Subetnicheskie differentsiatsii rossiiskikh etnosov (na primere kalmykov i tuvintsev) [Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: the case of Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 206–226. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>

Mkrtchian, N. V. (2011) Dinamika naseleniia regionov Rossii i rol' migratsii: kriticheskaiia otsenka na osnove perepisei 2002 i 2010 gg. [Population dynamics of Russia's regions and the role of migration: Critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses]. *Regional Research of Russia volume*, no. 5, pp. 28–41. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.1134/S2079970511030087>

Mkrtchian, N. V. (2020) Problemy v statistike vnutrirossiiskoi migratsii, porozhdennye izmeneniiem metodiki ucheta v 2011 g. [Problems of statistics of internal Russian migration caused by changes in accounting methods in 2011]. *Demographic Review*, no. 7(1), pp. 83–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>

Petrosian, A. N. (2021) Rozhdaemost' v munitsipal'nykh obrazovaniikh Rossii v 2011–2019 gg. [Birth rates at the municipal level in Russia, 2011–2019]. *Demographic Review*, vol. 8, no. 3, pp. 42–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>

Tinikova, E. E. (2021) Urbanizatsiia natsional'nykh respublik Saiano-Altaiia skvoz' prizmu teorii modernizatsii [Urbanization in the Sayan-Altai republics: A perspective from modernization theory]. *Oriental Studies*, no. 14(2), pp. 275–290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-54-2-275-290>

Chudinovskikh, O. S. (2021) K voprosu o sozdanii registra naseleniia i ispol'zovanii administrativnykh dannykh dlia nuzhd gosudarstvennoi statistiki [On the establishment of the Population Register and the use of administrative data for the benefit of public statistics]. *Voprosy statistiki*, no. 28(1), pp. 5–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-5-17>

Shchur, A. E. (2018) Goroda-millionniki na karte smertnosti Rossii [Million-plus cities on Russia's mortality map]. *Demographic Review*, vol. 5, no. 4, pp. 66–91. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8663>

Yumaguzin, V. V. and Vinnik, M. V. (2019) Problemy kachestva statistiki smertnosti v Rossii [Issues of quality of mortality statistics in Russia]. *EKO*, no. 10, pp. 54–77. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-10-54-77>

Yarmarkina, G. M. (2019) Kalmyki i tuvintsy v russkom diskurse XX — nachala XXI veka [Kalmyks and Tuvans in Russian discourse: 20th to early 21st centuries]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 154–164. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.13>

Abylkalikov, S. (2016) Migration Activity and Adaptation of Russian Regional Populations. *Regional Research of Russia*, vol. 6, no. 4, pp. 357–365. DOI: <http://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

Abylkalikov, S. I., Sazin, V. S. (2019) Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989–2015 censuses and microcensuses. *Baltic Region*, vol. 11, no. 2, pp. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>

Dyson, T. (2011) The role of the demographic transition in the process of urbanization. *Population and Development Review*, vol. 37, no. 1, pp. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00377.x>

Karachurina, L. B. and Mkrtychyan, N. V. (2020) Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia. *Comparative Population Studies*, no. 44, pp. 413–446. DOI: <http://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12en>

Karachurina, L. B. and Mkrtychyan, N. V. (2021) Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals. *Regional Research of Russia*, vol. 11, no. 1, pp. 48–60. DOI: <http://doi.org/10.1134/S2079970521010068>

Rogers, A., Watkins, J. F. and Woodward, J. A. (1990) Interregional Elderly Migration and Population Redistribution in Four Industrialized Countries A Comparative Analysis. *Research on Aging*, vol. 12, no. 3, pp. 251–293.

Timonin, S., Jasilionis, D., Shkolnikov, V. and Andreev, E. (2020) New perspective on geographical mortality divide in Russia: a district- level cross- sectional analysis, 2008–2012. *Journal of Epidemiology and Community Health*, vol. 74, no. 2, pp. 144–150. DOI: <http://doi.org/10.1136/jech-2019-213239>

Submission date: 21.02.2022.